

ИДА БЕНДЕР

**САГА
О НЕМЦАХ МОИХ
РОССИЙСКИХ**

Ида Бендер
Сага о немцах моих российских

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2025

УДК 94(=112.2)(47).084
ББК 63.3(2)61-8я44

Бендер И.

Сага о немцах моих российских / И. Бендер — Издательско-
Торговый Дом "СКИФИЯ", 2025

ISBN 978-5-00025-414-1

Книга о жизни и судьбе нескольких поколений российских немцев. Это драматическое повествование о тяжелой «Одиссее» выходцев из германских земель, прибывших в Российскую Империю по приглашению императрицы Екатерины Великой и вернувшихся в седьмом-девятом поколениях на землю предков. Книга написана правдиво и честно, с чувством гражданского долга, без идеологической фальши, автором — мужественной женщиной, свидетельницей извилистого жизненного пути, выпавшего на долю народа, частью которого она была, в годы сталинских репрессий и в годы последующих национальных, политических и идеологических ограничений. Этот труд — уникальный документ эпохи. Документ национальной судьбы. Живое свидетельство о том, что было и как было. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(=112.2)(47).084
ББК 63.3(2)61-8я44

ISBN 978-5-00025-414-1

© Бендер И., 2025
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2025

Содержание

Книга-стон оболганного народа	7
Предисловие к русскому изданию	8
Сага о немцах моих российских	9
1. Вначале был кол... Апельгансы	9
2. Мариенфельд. Гольманы	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ида Бендер

Сага о немцах моих российских

*Благодарю моих внуков, побудивших меня к написанию этой книги.
Благодарю моих дочерей Людмилу и Фриду за поддержку в минуты
сомнений в необходимости этой книги.*

*Особая благодарность моему сыну Рудольфу за его ежедневное
содействие и помощь, за то, что он всегда находил выход из тупика, в
который я не раз попадала при работе над книгой.*

Автор

Моему народу, немцам Поволжья, посвящаю

Издано в авторской редакции, с авторской орфографией и пунктуацией.

© Бендер Ида, 2013

© Оформление. ООО «Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2025

Из архива семьи Бендер. Ида Бендер. Сентябрь 2010

Книга-стон обогнанного народа (О книге Иды Бендер)

Чем дальше мы уходим в нашей российской истории от времен сокрушительных социальных, политических, цивилизационных катаклизмов – Первой мировой войны, Октябрьской революции, Гражданской войны, репрессий 1930-х годов, от времени Великой Отечественной войны и тяжелых послевоенных десятилетий, – тем больше перед нами предстает как подвиг само выживание и сохранение страны, выживание в ней ее народов и даже просто жизнь каждого честного, порядочного человека в тех условиях.

Еще больше предстает подвигом жизненный путь российских немцев в те годы. Потому что вдобавок к общим трагедиям, выпавшим в стране на долю всех, на их долю выпала еще и трагедия несправедливых обвинений в пособничестве врагу в годы войны, трагедия депортации в Сибирь и Казахстан, ликвидация их государственности и лишение их всех условий, необходимых для выживания любого народа: условий для совместного проживания, для сохранения культуры, родного языка, условий для физического выживания вообще после конфискации их домов и личной собственности при депортации.

Мало этого: на российских немцев была обрушена еще и трагедия трудармии, когда все они, от 15 до 55 лет, оставив беспомощных детей и стариков на произвол судьбы и без средств к существованию в новых чуждых суровых условиях, были направлены в лагеря, где работали под конвоем, погибая тысячами от голода, сибирских морозов и издевательств над ними как «предателями».

А после войны для них ввели еще и режим спецкомендатуры, надолго закрепивший расплывенность их проживания и разрушенность семей. И на десятилетия установили дискриминацию по национальному признаку, не позволившую народу – до сих пор! – иметь ни одной национальной школы, ни одного национального культурного учреждения, ни одного национального органа самоуправления, ни даже своих представителей в органах власти. Дискриминацию, закрывшую для тысяч и тысяч российских немцев не только продвижение по службе, отвечающее их способностям, талантам и труду на благо своей страны, но и путь к высшему образованию, что отбросило народ, занимавший до войны по уровню образования одно из первых мест в стране, практически на последнее место.

Через всё это прошел наш народ. О том, как это было и благодаря чему этот подвиг выживания нашему народу удалось совершить, и каких сил он потребовал, и как российские немцы, стиснув зубы, в любых обстоятельствах самоотверженно делали что могли для своего народа, – читайте в этой книге-документе, книге-свидетельстве. Книге, само написание которой тоже воспринимается как подвиг.

*Гуго Вормсбехер,
Москва*

Предисловие к русскому изданию

Эта книга – русский вариант немецкого оригинала «Schon ist die Jugend... beifrohen Zeiten» (Geest-Verlag, 2010).

Много лет вынашивала я идею этой книги. Много лет работала над ней. Наконец завершила свой труд.

Работая над книгой, я снова и снова переживала всю мою жизнь. С криком ужаса просыпалась ночью. Часто приходилось делать перерывы в работе – на дни, недели. Пытаясь отвлечься от прошлого, выходила на улицу, туда, где много людей, или в цветочные магазины...

Более 200 лет назад предки российских немцев, приняв приглашение императрицы Екатерины II, приехали в Россию. Не в поисках приключений – нужда заставила. Но сколько же невзгод, испытаний, горя пришлось перенести им! Сколько труда и терпения было вложено, чтобы превратить выделенные им пустые дикие степи в цветущий край, в «жемчужину», как назвал позже Республику немцев Поволжья с кремлевской трибуны Сталин! А какое мужество, выдержку, волю проявил народ, чтобы сохранить свой родной язык, свою национальную культуру! Даже в годы террора и строжайших запретов, в трудармейских бараках за колючей проволокой в тайге, на Урале, в низовьях Енисея, в годы спецпоселения и режима спецкомендатуры, в долгие десятилетия дискриминации и нереабилитации.

Все вынести, все вытерпеть помогла любовь к родному языку, народным песням. Одна из самых любимых песен российских немцев – «Schon ist die Jugend bei frohen Zeiten» («Прекрасна юность в добрые времена»).

О том, какими были для нас давние и недавние времена, – моя книга.

При работе над книгой я использовала:

Книгу Д. Шмидта «Студии по истории немцев Поволжья»

(D. Schmidt. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Zentral-Volker-Verlag der Union der Soz. Rate-Rep. Abteilung in Pokrowsk, ASRR der Wolgadeutschen. Pokrowsk, 1930).

Книгу Игоря Плева «Немецкие колонии на Волге во второй половине 18-го столетия» М., «Готика», 1998 г.

Ида Бендер

Май 2011 г., Гамбург

Сага о немцах моих российских

1. Вначале был кол... Апельгансы

С утра над степью сияло августовское солнце. Под безоблачным небом – широкая равнина, блекло-зеленая и серая. У горизонта – цепь холмов, частично поросших лесом. А к ним, на юго-запад, под этим солнцем, по этой равнине, тянется цепь пароконных подвод: предприниматель де Боффе ведет завербованных им в германских землях крестьян и ремесленников на поселение в нижнее Поволжье. Он и землемер едут верхом впереди колонны.

Николаус Апельганс, 21-го года от роду, твердо шагал рядом с телегой, вдыхая ароматы степи. Пахло чабрецом, шалфеем и полынью. Знакомые запахи напоминали ему родную деревню Бехтхайм юго-восточнее города Майнца, где он родился, где его отец погиб в Семилетнюю войну, где он, подрастая, помогал матери вести хозяйство. Но урожая не хватало ни на жизнь семьи из четырех человек, ни на оплату за аренду земли. В таком же положении находились и соседи.

Спасение пришло от российской царицы Екатерины II: по ее Манифесту приглашались на пустующие земли далекой России крестьяне и ремесленники из германских земель. По 30 десятин земли каждой семье на вечные времена, освобождение от воинской повинности, самоуправление в своих поселках, сохранение своей веры, своего языка, своих обычаев – эти обещания не вызвали сомнений у рассудительных немцев. И многие решились...

Высокое небо, теплое солнце, легкий ветерок шевелит высокие травы нетронутой плугом степи. Радость наполняла грудь Николауса: сколько же здесь возможностей возделывать нивы, растить сады! В мыслях он уже видел переливающуюся мягкими волнами спелую пшеницу, бескрайние поля с подсолнечником, где каждое растение приветливо кивает ему своей золотистой головкой. Какая красота! Он молод, силен и полон энергии. Здесь построит он свой дом, заведет семью, будет обрабатывать землю. Здесь он создаст для своих родных и близких жизнь, лучше, чем она была у него до сих пор!..

Постепенно холмы стали ближе. Иногда между ними сверкала гладь небольшого озера, струился ручей в низине.

В этот день, 21 августа 1767 года, люди из обоза были взволнованы. Им не терпелось увидеть, наконец, место, определенное им для поселения, землю, выделенную для их общины на вечные времена. Землю, которую они будут возделывать, где они построят поселок, где обретут новую родину.

На вершине одного из холмов де Боффе указал на вбитый в землю кол:

– Здесь! На этом склоне стройте ваш поселок...

У подножия холма ручей – с разбегу можно перепрыгнуть. Вдоль него деревья, кустарник. Противоположный берег круто поднимается вверх.

– И этот ручеек должен обеспечить водой целую деревню?! О, Боже милостивый! – воскликнул кто-то. В голосе слышалось разочарование.

Адам Ротгаммель, серьезный мужик, которого переселенцы еще в Саратове выбрали форштегером¹ своей новой общины, как мог спокойнее посмотрел на всех. Путешествие из немецкого портового города Любека до Саратова длилось долго, почти год. Все устали, и теперь нельзя было допустить, чтобы люди еще и отчаялись. Они и так были обмануты: обещанных

¹ Форштегер – председатель общины, староста села

готовых домов нет, только кол там, где должен вырасти их поселок. И этот ручеек... Но обратной дороги нет! И ему, старшему, надо теперь найти нужные слова.

Он нагнулся, сорвал стебелек, поднес к лицу, вдохнул знакомый аромат, шагнул вперед и, обращаясь ко всем, сказал:

– Вот, родной тимьян!² Наверное, это привет нам от родного края! Значит, мы уже не одни... А посмотрите, какая ширь! – обвел он рукой раскинувшиеся перед ними просторы. – Посмотрите, сколько земли ждет наших рук!

Еще в Саратове, в канцелярии конторы опекунства, каждая семья переселенцев получила пару лошадей, корову и 25 рублей. На деньги приобрели телеги и кое-какой инвентарь. Теперь же перед переселенцами стояла нелегкая задача: еще до холодов построить укрытия для себя и животных.

Вдоль речки вырыли землянки, заготовили на зиму сено для скота, начали делать саманные кирпичи для постройки домов.

Они называли свое село Ротгаммель, по имени первого форштегера, старосты села. Но контора опекунства присвоила селу русское название: «Памятное». Новоиспеченные волжане, не знавшие русского языка, выговаривали это слово «ПамЕтна», делая ударение на «Е»...

Одновременно с Ротгаммелем на правом берегу Волги возникли десятки других немецких поселений-колоний. Здесь, далеко в степи, они, к счастью, не подвергались разбойничьим набегам кочевников, как это было с колониями на левом берегу Волги. Зато летом здесь еще больше иссушали землю жаркие ветра, а зимой еще больше лютовали морозы и бураны.

Первые десять лет были очень тяжелыми. Обрабатывать целину было нелегко. Из-за незнания местного климата и почв редко удавалось вырастить хороший урожай: иногда осенью собирали с полей не больше, чем высеяли весной. Вся жизнь здесь стала борьбой за выживание. Однако год за годом новоселы увеличивали площади пашни...

Спустя 90 лет, в 1858 году, родилась моя бабушка по материнской линии, Элизабет Франк. У нее было три брата: Андреас, Лео, Иозеп. К тому времени семья имела уже сравнительно сильное хозяйство. Так как общинная земля в то время в России распределялась только на мужские души, то семья Франк владела четырьмя наделами, как говорили тогда – четырьмя душами земли. У нее было четыре рабочих быка, четыре лошади, три коровы, десятки овец, несколько свиней, куры и гуси. С шести-семи лет мальчикам приходилось помогать родителям по хозяйству и в поле. Дочь была няней своих младших братьев. С 13 лет Элизабет вместе со взрослыми находилась в поле. В общине семью Франк почитали за усердие, прилежную работу. При пахоте, сенокосе, уборке только мать оставалась дома. Ухаживала за скотом, варила обед и приносила его в поле.

После того как высевались пшеница, рожь, кукуруза и подсолнух, сажали свеклу и картошку. Прямо за домом и двором по склону вниз до самого ручья был разбит сад-огород, где сажали и капусту. Обычно хозяйки высаживали рассаду капусты в одно время. Во вспаханной почве делали углубление, каждый росточек любовно вкладывали в ямку, поливали водой и заботливо присыпали влажной землей, при этом приговаривая:

– Расти с Божьей помощью...

Или:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа расти на славу...

Но иногда какая-нибудь дородная шутница скажет:

– Вырастайте, листья, большими, как мой фартук, а кочан – как мой зад...

² Тимьян – лат. – чабрец

На огороде были также грядки лука, моркови, огурцов. Уход за огородом, полив были женской обязанностью. Сколько тысяч ведер воды переносила Элизабет из ручья вверх на склон – не сосчитать. За фруктовыми деревьями: яблонями, грушами, сливами, вишнями – и за кустами смородины и малины, посаженными за огородом, ухаживал сам хозяин.

Только управились с посевом зерновых, посадкой картофеля, свеклы и рыхлением почвы на кукурузных и овощных полях, наступала пора косить сено. Ни дня перерыва, ни дня отдыха. Опять Элизабет с граблями с утра до вечера вместе с отцом и братьями на лугу. Еще по росе отец и старший брат косили, а Элизабет и братья-подростки ворошили скошенное ранее. За три поколения колонисты уже приспособились к климату. И знали, как дорог каждый час, особенно летом: работали и в будний, и в воскресный, и в праздничный день. Только иногда в субботу вечером отец запрягал лошадей, и все ехали домой в село, чтобы помыться, а утром, надев праздничную одежду, пойти в церковь. Но после богослужения, пообедав, опять спешили в поле или на луга.

Одна работа следовала за другой, подгоняя крестьян. Сразу за сенокосом – жатва, потом молотьба, уборка овощей – нескончаемый поток крестьянских хлопот. Зимой случались сильные снежные бури, и ехать в степь за сеном было опасно. Иногда крестьянин, попав в такой буран и заблудившись, погибал вместе с лошадей. Поэтому сельчане старались свезти заготовленное сено домой вовремя.

В июле всегда стояла сильная жара, до 40–45 градусов. Моя мама, Эмилия Гольман (Апельганс), рассказывала, как при уборке зерновых она в эту жару вязала снопы. Пшеницу, рожь, овес, ячмень в России в то время косили обычно еще серпами, колонисты же – косами со специальным приспособлением, так называемым реф (от немецкого «Reff»). Я сама еще видела такие в детстве, хотя в 1928–30 годах были уже конные косилки. Это приспособление должно было собирать стебли в пучок, облегчая женщинам вязать затем снопы. Вечером снопы собирали по пять-шесть штук и ставили их вертикально колосьями вверх. Когда все было скошено, снопы везли на ток для молотьбы.

Первые годы в Поволжье наши прадеды использовали цепи – ручное орудие для молотьбы. Но однажды какой-то колонист сделал каток с продольными желобками и ребристыми выступами по всей поверхности цилиндра. Для катка он выбрал каменную породу с горы около немецкой Добринки. Лошадь, запряженную в такой каток, водили по кругу, и каток, прокатываясь по разложенным на току снопам, выбивал зерна из колосьев. Я видела такое в детстве. Но в начале 30-х уже появились молотилки с тракторным приводом, а в 1936–37 годах – комбайны, которые на колхозных полях и косили, и сразу молотили зерно.

В молотьбе цепями участвовали и женщины – каждая пара рабочих рук в семье дорога.

В свои 18 лет Элизабет была высокой, стройной, красивой, крепко сложенной девушкой. Она любила украшать летнюю кухню, покрывая побеленные стены крапинками, будто диковинными растениями из загадочного мира. И очаг выбеливала чисто – ни малейшего следа дыма или золы не оставляла. Грани очага, затирая ежедневно, так выравнивала большим ножом, что они были прямыми и острыми, как сам нож. Так же чистила и украшала камин-дымоход. И откуда только выкраивала Элизабет для этого время при ее занятости в поле и в хозяйстве!

Осень. Собран урожай. Скот уже не выгоняли на пастбище, он оставался в хлеву. Мужчины еще до завтрака чистили стойла, поили и задавали корм скоту. Навоз выбрасывали через отверстие в стене на задний двор, где потом складывали в аккуратные кучи, чтобы весной вывезти в поле для удобрения. А овечий навоз летом обрабатывали, добавляли солому, делали из этой смеси брикеты и сушили их на солнце – они шли на топливо.

Зимой Элизабет с утра до вечера пряла: до 2 февраля – церковного праздника Святой Марии – вся настриженная с овец шерсть должна была быть спрядена. Затем женщины брались за вязание рукавиц-варежек, носков-чулок и шарфов для всех членов семьи и юбок для жен-

щин. Сначала вязали полосы, потом сшивали их в юбки. Очень теплые, они выручали зимой в мороз. У матери Элизабет научилась кроить и шить свою скромную одежду – блузки и юбки из ситца. Ее мать умела шить и мужские рубашки, и брюки, чему научилась тоже у своей матери. Таким образом, женщины семьи Франк были известны на селе как умелые портнихи. Зимой колонистки носили полушубки из овчины, а мужчины – полушубки и тулупы; их тоже хорошо шили Франки.

В 18 лет к Элизабет посватался высокий, худощавый, всегда шутивший Йорьх – Георг Аппельганс из довольно зажиточной семьи, в которой кроме него было еще три брата, и, следовательно, «пять душ» земли. Еще имелось несколько лошадей, пара тягловых быков, две коровы, десятка два овец, свиньи, гуси, куры. Осенью, после работ в поле, сестры Георга – Маргарет, Барбара и Катарина – целыми днями сидели за прялками, пряли овечью шерсть. Мужчины ухаживали за скотом, ремонтировали упряжь и телеги.

Родня Аппельгансов была большая. И чтобы не перепутать, о ком шла речь, каждой семье давали прозвище. Георга прозвали Вайсерс – белый. Не только из-за светлых волос, но и из-за особенно белой кожи. Моя мама рассказывала, что такую белую кожу унаследовала и она, и ее старшая сестра Анна-Мария (которую коротко называли Амри). От мамы очень белую кожу лица получил и мой младший брат Виталий. Остальные потомки Георга Аппельганса были обычными блондинами, но кличка Вайсерс сохранилась у всех до самой депортации в Сибирь в 1941 году.

Йорьх каждый день видел Элизабет Франк в поле, видел, какие у нее ловкие руки. А петь она умела – заслушаешься! В церкви при богослужении всегда выделялся ее голос из хора.

Осенью, после полевых работ, отпраздновали свадьбу. Теперь в углу большой комнаты в доме родителей появилась и кровать молодоженов, которая по тогдашнему обычаю была как шатер: четыре стояка из дерева почти до потолка, к ним прикреплена занавеска из цветастого ситца вокруг всего ложа. Днем занавеску спереди отодвигали, и было видно такое же цветастое покрывало да высокие подушки, набитые гусиным пером. Матрацем служила солома, покрытая простыней, тканой из конопли. Зимой укрывались периной.

В каждом хозяйстве держали много гусей – дочерям давали в приданое перины и подушки. В них – только отборное мелкое гусиное перо. Невесты гордились таким приданым. Но у некоторых одеяла были стеганые, из ситцевой ткани, с овечьей шерстью.

Через три года после женитьбы Георга и Элизабет земля общины подлежала новому разделу, как это велось каждые шесть лет, и отец отделил Георга от семьи. При нем оставалось еще три сына и дочери, родительский дом стал слишком тесен. Выйдя замуж, Элизабет получила в приданое корову, 10 овец, свинью, пару гусей да десяток кур. Теперь появился уже приплод от коровы – годовалый бычок и телочка. Вайсерсы общими силами построили для Георга домик. Отец дал ему две лошади, двух тягловых быков и обычный сельскохозяйственный инвентарь: телегу, плуг, борону, косу, грабли, лопаты.

К тому времени у молодой четы был уже и первенец – дочь Паулина, которая родилась в 1878 году. Георг ждал, конечно, сына, тогда он при разделе получил бы еще одну «душу» земли. Но Бог дал им дочь. «Тоже неплохо, будет нянчить своих младших братьев и сестер, а до следующего раздела земли еще и сын может родиться», – размышлял молодой отец.

Шли годы, в семье Йорьха подрастали уже четыре дочери: Паулина – 1878 года рождения, Анна-Мария – 1879, Барбара – 1881-го, Элизабет – 1884 года. Но все еще не было сына, поэтому семья имела только один надел земли. Георг и Элизабет старательно трудились на своем участке, сеяли, убирали урожай, но на всю зиму его не хватало. Если бы хоть засух не было! Да и налоги приходилось платить: ведь в 1871 году царь Александр II упразднил все привилегии переселенцев-колонистов, данные им когда-то Екатериной II.

Но что делать, надо жить. Георг не унывал. Как у всех сельчан, у семьи Георга было много овечьей шерсти. Ее хватало на валенки, чулки-носки и варежки, на шали, шарфы и вязаные юбки. Теперь он вспомнил о станке своих прародителей, на котором они из конопли ткали полотно для постельного белья. Георг подправил старый станок, Элизабет напряла нитей, и Георг сообразил, как правильно их натянуть для основы. Из белой и черной шерсти они связали ковер на пол своей комнатки в глинобитном домике, чтобы детям не было холодно ползать, и радовались своей находчивости.

Элизабет умела шить, но времени на это оставалось мало: дети, скотина, кухня, и только поздно вечером она бралась за иглу. Но когда купили швейную машинку, она стала успевать куда больше. Немногие умели кроить шубы из овчины. Георг же выкраивал детали одежды так, что почти не было отходов. И скоро Георг и Элизабет Аппельгансы стали известны в селе как лучшие изготовители овчинных шуб. Летом работали в поле и на огороде, а зимой вязали ковры из окрашенной шерсти, шили шубы и тулупы. Так и зарабатывали на прокорм своей семьи.

Колонисты давно научились красить белую шерсть травами в красный, желтый, зеленый цвета. Женщины вязали себе чулки с разноцветными поперечными полосками и очень гордились ими (я сама в детстве носила такие). Теперь стали красить шерсть и для ковров. Георг умело рисовал узоры для них, а дети с шести лет помогали их вязать. И Георг радовался, когда мог на базаре продать эти ковры с большими красными цветами на черном поле. На фотографии 1912 года мои бабушка и дедушка Аппельганс сняты сидящими на фоне такого ковра собственного изготовления, и на полу перед ними лежит такой же.

Односельчане часто приходили к Георгу, звали его натянуть на станок основу для вязания. Мой отец рассказывал, что Георг Аппельганс был единственный в селе, умеющий делать это правильно. Забегая вперед, скажу, что моя мама получила такой станок в приданое и, когда мы жили в селе Мариенфельд (мне было пять-шесть лет), связала на нем ковер. Тогда мой отец натянул основу (2х0,7 м), набросал рисунок: по периметру – бутоны, а в центре – большой красный цветок шиповника и ветви с листьями в обе стороны до самого края. Мой брат Альфонс и я охотно помогали. Этот ковер сохранился в нашей семье до 1941 года, до нашей депортации в Сибирь.

В 1934 году мои родители решили отдать станок в краеведческий музей АССР немцев Поволжья, но прежде мы связали еще один большой ковер 2,5х3 метра и несколько маленьких. Большой путешествовал с нами при нашей депортации и в Сибирь, и в низовья Енисея. Он сослужил нам добрую службу. Дальнейшая его судьба мне неизвестна, а следы станка я пыталась разыскать в 1979 году во время моей поездки в Энгельс. Однако не нашла в городе ни станка, ни самого музея. Мне сказали, что экспонаты бывшего краеведческого музея Немреспублики переданы в Саратовский краеведческий, но и там ничего про станок не знали. Он состоял из нескольких деревянных планок длиной в два метра и шириной примерно 20 см., и сотрудники вполне могли выбросить их как простые дрова. Жаль!

В 1981–82 годах музей Старая Сарепта в Волгограде собирал экспонаты, связанные с жизнью немцев-колонистов, и я послала туда фотографию моего деда и бабушки Аппельгансов. Музейщики заинтересовали заснятые ковры. Тогда я сделала чертеж станка, дополнила его подробным описанием метода вязания ковров и все отдала музею. Надеюсь, хоть это сохранилось.

С первых лет жизни наших предков в Поволжье было определено, что все дети с восьми лет должны посещать школу. Учеба начиналась не с какой-то определенной даты, а осенью, после завершения полевых работ, и заканчивалась весной, когда начиналась работа в поле. В то время в немецких поселениях школьные занятия проводились в одной большой комнате, обычно это была пристройка к церкви. В помещении стояли длинные скамейки, школьники разного возраста и разных классов находились все вместе. Занятия начинались молитвой,

потом пели (пели!) таблицу умножения, учились читать и писать. Моя мама однажды продемонстрировала мне, как она в 1910 году училась читать: по буквам, складывая затем буквы в слоги. Слово «книга» надо было читать так: Ка-эН = КН, И = КНИ, Гэ-А = ГА, = КНИГА. По-немецки это называлось «бухштабирэн», то есть «по буквам». Сейчас просто поражает, почему детям тогда так усложняли чтение. Не удивительно, что иному мальчишке было скучно, и он отвлекался на уроке на «более интересные» дела, за что получал розги от учителя.

В общем, детей учили столько, чтобы они могли читать молитвы в молитвеннике и умели считать, сколько пудов зерна собрано с поля. Одному для этого надо было ходить в школу три года, другому хватало смекалки понять и выучить все за год.

Еще в школе Георг Аппельганс быстро научился читать. Ему охотно давали на праздники „Kirchenkalender“, церковный календарь, издаваемый на немецком языке в Саратове. В этом журнале печатались рассказы о церковных праздниках, о жизни святых, заметки о событиях в церковных общинах, а также разные крестьянские приметы и советы.

У теперь женатого Георга вообще-то не было времени для книг, но зимой в праздники, когда работать было грех, он охотно брал этот журнал и читал вслух. Иногда заходили послушать соседи или родственники. Так всё больше рос его авторитет у односельчан.

Уже шесть дочерей было у Георга с Элизабет. Седьмым родился наконец сын. Но до очередного раздела земли он не дожил. Георг был удручен. Что делать, как прокормить семью из восьми человек? Старшие дочери с 11–13 лет уже работали в поле – бороновали, вязали снопы, ставили их в копны. Помогали на сенокосе и в огороде. Вязать чулки они учились с пяти лет (я тоже научилась вязать лет в шесть, и в трудные 1942–44 годы на Севере это мне очень пригодилось). А ковры, к которым в семье все прилагали руки, Георг отвозил зимой на базар.

В районном центре Диттэль по субботам базар был круглый год. Колонисты из соседних сел приезжали, чтобы купить лопату, топор, свечи, нитки или пуговицы, да и свой товар продать. Но осенью они ездили на ярмарки в дальние селения, даже в большое немецкое село Зельман, расположенное в семидесяти верстах на левом, луговом берегу Волги. Приходилось переправляться через большую реку, зато там можно было купить и продать быков, коров, лошадей. Иногда ехали в город Саратов. Там колонисты – аптекари, врачи, портные, пекари, ювелиры – построили целую улицу: Немецкую. Немного ближе, на правом берегу в большом селе Бальцер, тоже устраивались ярмарки. Тут сбывались излишки зерна.

У Георга зерна для продажи не было, но сделанные своими руками ковры, шубы, вязаные юбки у него покупали охотно. На вырученные деньги Георг приобретал нужные в хозяйстве товары: плуг, хомут, железные грабли, лопаты и цветастые ситцы на платья.

Однажды он купил в Бальцере большой, 1,5x1,5 метра, фабричный шерстяной платок в крупную клетку. Осенью, когда полушубки надевать еще рано, женщины накидывали такой платок на плечи, идя в церковь. Демисезонных пальто у колонистов тогда не было. Элизабет обрадовалась красивому подарку, но тут же укорила мужа:

– Столько денег израсходовал! А нам надо копить на новый дом. Я уж не знаю, где стелить детям постели...

Такой же платок был и у моей мамы. В 1933 году, когда у нас каждая копейка была на счету, мама сшила мне из него зимнее пальто.

Рассказывали, что один колонист выписал из Германии механические ткацкие станки и открыл в селе Бальцер ткацкую фабрику, где изготавливали не только теплые шерстяные шали, но и хлопчатобумажные ткани. Колонисты привозили с ярмарки сарпинку³ для праздничных платьев женщинам; глиняные горшки для молока, ведерные – для подсолнечного масла. Подсолнухи росли тут хорошо, и в каждом селе была маслобойка. Свекла, красная и белая, тоже давала хороший урожай. Белая шла на корм скоту, а из красной варили сладкий сок. Раз-

³ Сарпинка – ткань, сотканная в немецком поселке Сарепта близ Царицына.

мельченную свеклу отжимали на прессе, сок уваривали в медных тазах на медленном огне до густоты и тоже хранили в ведерных глиняных горшках. Это было лакомство. На сахар денег не тратили.

С ярмарки привозили прялки своим взрослеющим дочерям. У каждой должна была быть прялка в приданом.

Поездка на ярмарку – большое событие, она занимала обычно два-три дня. Для поездки колонисты собирались на трех-четырех подводах. Им приходилось ночевать на постоялом дворе какого-нибудь села, чтобы покормить лошадей, дать им отдохнуть. Брали с собой еду на три-четыре дня: хлеб и сало. Лучше взять больше, а вдруг задержка? На постоялом дворе мужчины оставались на своих возах с грузом, женщины (если им случалось путешествовать) ночевали в избе. Таких дворов было много в немецких поселках по пути в Бальцер, Зельман, Саратов.

Но иногда колонисты ночевали и в степи. Тогда было твердое правило: распрягали лошадей и, стреножив, пускали пастись, а телегу разворачивали дышлом в ту сторону, откуда ехали, чтобы утром знать направление, куда следовать дальше. В такую поездку зимой поверх полушубка надевался еще и овчинный тулуп до пят с большим воротником. Если воротник поднять, он был выше головы и надежно укрывал в бурю от снега и мороза.

Нечасто колонисты брали с собой на ярмарку жен. Обычно их сопровождал один из подрастающих сыновей, чтобы мог научиться выгодно продавать свой товар и выгодно покупать необходимое семье. Георг Аппельганс брал с собой обычно ту дочь, которая была на выданье, чтобы она сама выбрала ткани для своего приданого – на занавески к кровати, на наволочки. Георг охотно доставлял своим дочерям радость такой поездкой к большой реке, на которой плавали пароходы величиной в три или четыре дома. Там можно было купить и рыбу. Сушеную, копченую, свежую, а зимой – мороженую. Рыба в Ротгаммеле была исключительной редкостью (даже во время моего детства). Она стоила дорого, а колонисты берегли деньги, старались обходиться тем, что давало их собственное хозяйство.

Наконец Георг и Элизабет собрали столько денег, что смогли начать постройку нового дома. Я хорошо помню этот дедушкин дом, деревянный, на высоком фундаменте из дикого камня. Четыре окна на улицу и два во двор. Семь ступенек вели на небольшую полуоткрытую веранду под общей с домом крышей. Далее дверь в просторное помещение. Здесь у окна стоял большой стол, за которым обедала вся семья и на котором кроили платья и шубы. Около него – длинная скамья, другая такая же обычно стояла в сторонке у стены, и когда семья садилась обедать, ее придвигали к столу. Была еще маленькая комната родителей и другая комната, где все вместе спали дочери.

В конце веранды – кладовка, а из нее – лаз в погреб. Его стены выложены обожженным кирпичом. Если стоять на улице лицом к подворью, то дом располагался по правую руку. За ним, по правой же стороне, находился сарай, без стены со стороны двора. В нем ставили телегу, на вбитые в стену кольца вешали сбрую, хомуты, косы, грабли и другой инвентарь. В аккуратной поленице лежали дрова. Здесь же был лаз в другой погреб, побольше. В него осенью по желобу из досок опускали картошку и свеклу.

В дальнем конце двора – коровник, конюшня, овчарня и свинарник. Между этими строениями была калитка, ведущая на задний двор и дальше – на огород, и еще дальше – в сад, хотя несколько фруктовых деревьев трудно назвать садом.

Но вернемся на исходную позицию: встанем лицом к подворью. По левую руку рядом с воротами стоял первый глинобитный домик Георга с одним окном на улицу и одним окном во двор. После постройки большого деревянного дома в одной половине старого оборудовали летнюю кухню, в другой – кладовку. Летом на кухне готовили еду, тут же и обедали. Раз в неделю здесь пекли хлеб. Когда поспевали фрукты, мать в еще горячую после хлеба печь ста-

вила противень с яблоками, грушами, вишней. А позже, осенью, и красную свеклу. Запеченные таким образом фрукты и свекла были лакомством того времени. Сахар, а тем более конфеты, не покупали.

В кладовой хранили муку, молоко, масло и другие продукты. Я помню обитую жестью дверь этого помещения и его прохладу даже в летний зной. За этим домиком, прямо на границе с соседним двором, выкопали колодец. К вороту прикрепили длинную цепь с ведром. Чтобы каждый из соседей мог брать из него воду со своего подворья, к вороту приделали рукоятки с обеих сторон. Колодец плотно закрывался деревянной крышкой. За колодцем лежал большой чурбак, на нем рубили дрова, сухие ветки и хворост для топки.

Деревянный дом, высокие двустворчатые ворота и калитка были украшены резьбой и выкрашены желтой краской. На улице у забора стояла скамья, где вечерами собирались мужики, курили трубки, беседовали о том, о сем. Но вот со двора раздавалось позвякивание подоюника, который мыла Элизабет, и это означало, что близилось время ужина. Заслышав знакомые звуки, Георг говорил:

– Ну, до завтра, мужики, у меня еще дела...

Шесть уже подросших дочерей было у Георга и Элизабет, но все еще только один надел земли. Из-за постройки дома появились долги, и хозяин мучительно искал выхода. Земли бы побольше, тогда сеять можно было бы больше, и зерна больше продать... Вот у Ханэса Кайзера пятеро сыновей – малые еще, не работники, а землю уже наделили. Он, Ханэс, даже обработать ее всю не может.

Пошел Георг к Ханэсу, договорились: Ханэс уступит Георгу два надела своей земли на два года, а Георг за аренду зерном заплатит. Ударили по рукам. Тогда этого было достаточно, ибо сдержать слово было делом чести.

Следующей весной Георг нанял поденщика на несколько дней полевых работ – пахать и сеять. Бороновать и на покосе, как и раньше, помогали дочери. В 1892 году выдался хороший урожай, и Георг смог продать пшеницу на базаре. Радовалась вся семья.

В марте 1893 года родилась седьмая дочь, ее назвали красивым именем Эмилия. А в 1895 году на свет появилась Христина, восьмая дочь. Семья росла, расходы тоже.

К этому времени старшая дочь уже была на выданье.

Отцы говорили своим сыновьям:

– Паулина – неплохая невеста для тебя. Она из хорошей семьи, сложена крепко, на всех крестьянских работах от отца не отстает!

Вскоре Иоганн Паскаль прислал сватать Паулину. Его приняли в семью зятем. Обычно парень, вошедший в семью невесты, был бесправен, как работник у хозяев. Почему Паскаль согласился на такое, не знаю. Возможно, Георг уговорил его, ибо работников у Георга, кроме дочерей, не было. Можно предположить, что Иоганн как мужчина сделал много для благополучия Апельгансов и развития хозяйства.

В 1929 году Иоганн, давно уже живший отдельно, отсудил у Георга этот большой деревянный дом. Он доказал, что целых два года был у тестя в бесплатных работниках. А в те годы, с новыми правами бедняков и поденщиков, советский суд разбирался в таких вопросах быстро. Он присудил Паскалю все подворье Георга. Георгу и Элизабет, оставшимся к тому времени вдвоем, пришлось переехать в маленький глинобитный домик Паскаля, а тот со своей семьей въехал в жилище тестя. Старик Георг не перенес несправедливости и от горя вскоре умер.

Забегая вперед, скажу, что у Паскаля в 1931 году при раскулачивании отобрали все хозяйство, и его со всей семьей сослали на север, в Котлас. Много прошений пришлось ему написать, пока он смог доказать: дом этот ему достался потому, что он был работником в семье тестя. После двух лет ссылки его реабилитировали, разрешили вернуться в Ротгаммель – в тот деревянный дом. Все остальное из его хозяйства было уже имуществом колхоза. Семья

Иоганна Паскаля жила в этом доме до 1941 года, до депортации всех поволжских немцев в Сибирь.

Элизабет воспитывала дочерей скромными и работящими. Свободного времени у них было мало. Но зимними вечерами они иногда собирались со своим вязанием у одной из подруг. Приходили парни, рассказывали сказки или веселые истории, все вместе пели народные песни. Иногда в праздники, когда работать было грех, танцевали. Но надо было знать, когда следовало расходиться. Если парни не ретировались вовремя, отец выглядывал из своей комнатки и говорил как бы невзначай:

– Ребята, когда будете уходить, не забудьте за собой калитку плотно закрыть...

Иной отец говорил более конкретно:

– Ребята, отнесите-ка ваши шапки домой, а потом можете тут продолжить...

Этого было достаточно, чтобы молодежь поняла, что ей пора: ведь завтра опять вставать чуть свет.

Иногда в зимние вечера девушки собирались гадать. Садись вокруг столика, сработанного без единого железного гвоздя, клали руки на столешницу и спрашивали:

– Столик, столик, скажи нам правду: придут сваты к Мальхен?

Все, затаив дыхание, прислушивались. Столик приподнимал один свой угол и топал ножкой. Мальхен, покраснев, упрекала подруг:

– Да ну вас, вы сами это делаете, столик приподнимаете!

А подруги отнекивались:

– Что ты, что ты! Смотри: наши руки даже не пошевелились.

А когда спрашивали, например, через сколько дней или недель придут сваты, столик топал два или три раза.

Смех, шутки...

Об этом рассказывала мне моя мама, Эмилия Гольман (Аппельганс), в морозные зимние вечера в ссылке на Енисее. Эти воспоминания помогали нам в трудармии на короткое время отвлечься от суровой действительности, от голода, унижений и тоски по нашей родине. Это были воспоминания о годах молодости, о родных, разбросанных по всей большой Сибири. На основе этих маминых рассказов я сегодня могу написать многое о нравах моих предков, о том, как они жили, трудились, отдыхали в давние теперь годы на родной Волге.

Уже в первые два-три года жизни в Поволжье немецкие колонисты из полевого камня строили в своих поселках церкви, хотя многие семьи еще ютились в землянках и глинобитных домиках. В чужом краю, на новой родине, церковь наравне с семьей была хранительницей веры, культуры, родного языка и обычаев. И от священника многое зависело. К Рождеству разучивали рождественские песни не только дети в школе, но и молодежь после богослужения. Священник разыгрывал с молодежью небольшие сценки на тему Рождества Христова. И если в рождественский вечер в церкви с балкона доносилось «Радуйтесь, ваш Спаситель родился, идите, поклонитесь ему, в хлеве лежит он на соломе», вся община слушала, затаив дыхание.

Наверное, от матери своей переняла Анна-Мария ангельский голос, брала самые высокие ноты. Учитель Крайнер не мог оторвать глаз от красавицы, не мог наслушаться ее пением.

Едва управились Георг и Элизабет с приданым для Паулины и со свадьбой старшей дочери, как он прислал сватов сватать их вторую дочь, Амри. И семнадцати или восемнадцати лет Анна-Мария стала его женой. А через несколько лет Крайнеры с тремя детьми уехали под Одессу, в немецкое село Йозефсталь, где они потом открыли большой магазин, в котором можно было купить все от иголки до сельскохозяйственной машины.

Но вернемся к семье Георга и Элизабет с еще не повзрослевшими дочерьми.

Пол в доме Георга Аппельганса был из толстых половиц, некрашенный. По субботам его терли коротким голиком (веником из голых прутьев) так, чтобы половицы светились желтизной, словно одуванчики.

В праздники, когда ожидали гостей, взрослые дочери или молодая хозяйка приносили с песчаной горки крупный желтоватый песок и тонким слоем рассыпали по полу. Это было очень практично: уличная грязь от сапог не втаптывалась в половицы. Иная выдумщица выводила песком цветочный орнамент. От крыльца до калитки тоже сыпали песок, но это в особых случаях. Обычно же двор и улицу перед домом чисто подметали каждое утро сразу после выгона скота. А зимой снег отгребали от крыльца и делали широкие дорожки ко всем надворным строениям. Ступеньки крыльца подметали так чисто, что на них не оставалось ни снежинки, будто и снега кругом нет.

В 1901 году Элизабет Аппельганс родила девятую дочь – Бригитту. Большая семья была у Георга и Элизабет, но теперь она стала уже убавляться: дочерей одну за другой стали сватать. Родителям оставалось только успевать готовить приданое. Каждой – корову, десяток овец, гусей и кур. Каждой прялку, да платье праздничное, чтобы в церковь ходить, да шубу из овчины и... сундук.

Ох уж этот сундук! Гордость каждой невесты. Их мастерили столяры села, обивали украшениями из дерева и рисовали масляной краской цветы или орнаменты. Особо гордились внутренним замком. В каждой деревне был свой мастер-кузнец. Он не только лошадей подковывал, но и делал многое для хозяйства: тяпки, лопаты, и... замки. Особо искусные мастера делали замки для сундуков с мелодичным звоном, для каждого – своим. Когда девушка на выданье отпирала свой сундук, вся семья собиралась послушать «музыку», замирая в восхищении. Иногда младшая сестренка просила невесту:

– Открой, дай послушать музыку.

Невеста не всегда исполняла просьбу:

– Нечего без дела открывать, еще испортится.

Люди привыкли бережно относиться к вещам.

Завтракать, обедать и ужинать вся семья собиралась вместе за большим столом. Элизабет ставила на стол две-три глиняные миски с супом и мясом, галушки или картофельное пюре с тушеной капустой. Одна из дочерей брала из плетеной корзинки, висящей рядом с полкой для посуды, деревянные расписные ложки, раскладывала их перед каждым. Затем все члены семьи, стоя, вслух повторяли за отцом молитву. Потом мать брала в левую руку каравай, ножом в правой руке совершала над ним крестное знамение и только после этого отрезала каждому по ломтю. Когда кто-то съедал свой, отец спрашивал: тебе еще? – и отрезал ему кусок хлеба. Суп ели из общей миски. Такой порядок за столом я видела в детстве еще в 1929–30 годах в семьях родственников.

Даже взрослые сыновья, уже женатые, но живущие с родителями, не смели нарушать это правило. Родителей слушались, уважали. А хлеб берегли как святыню, каждую крошку. Его нельзя было ронять на пол, на землю – грех. И это не скупость, а уважение к хлебу, доставшемуся тяжелым трудом.

В доме, в большой комнате, был святой угол. Здесь на стене висели изображения Божьей Матери и Иисуса в терновом венке. На маленьком столике, покрытом красивой скатертью и украшенном самодельными цветами из цветной бумаги, стояло распятие, сосуд со святой водой, лежали молитвенники. Вечером перед сном сюда собирали детей на молитву. Мать благословляла их, брызгая святой водой, все благодарили Бога за прошедший день. В молитве упоминали души умерших родственников и тех, кто в данный момент был вдали от семьи (в

отъезде или на войне). Просили здоровья для всех членов семьи. Сегодня я понимаю, какое большое воспитательное значение имели эти упоминания о предках, об их жизни и благодарности за их труд. Чувство принадлежности к большой семье, к общине воспитывало стремление к добру и взаимопомощи. Хотя сейчас я думаю, что та строгость по отношению к взрослым детям в какой-то мере и подавляла их инициативу.

С годами рос авторитет Георга. Росло уважение к нему сельчан. Когда пришло время выбирать нового старосту церковной общины, выбрали его. Он был справедлив, трудолюбив, бережлив, читал журнал «Церковный календарь» и к нему всегда можно было обратиться за советом. Его дочери слыли в селе завидными невестами. Даже среди зажиточных крестьян многие почитали счастьем сосватать своему сыну одну из дочерей Аппельгансов, поэтому у девушек не было недостатка в женихах, и скоро шестеро из них покинули родительский дом.

Число помощниц у Георга уменьшилось. В семье остались Эмилия, Христина и Бригитта. Как и прежде, он арендовал еще два надела земли. Для весенних полевых работ и на время уборки урожая нанимал на несколько дней работника. Все остальное Георг делал сам с младшими дочерьми – шестнадцатилетней Эмилией, пятнадцатилетней Христиной и девятилетней Бригиттой. Они бороновали, рыхлили тяпками землю кукурузных, подсолнечных и овощных полей, ухаживали за огородом, работали на сенокосе, вязали снопы, возили сено, складывали его на сеновал.

В 1905 году в России росли недовольства крестьян и рабочих коренного населения, а политики ловко направляли гнев народа на «виновников» – немецких колонистов. При царе Александре III был провозглашен лозунг «Россия для русских», немецким колонистам было запрещено говорить в общественных местах на родном языке, а также упразднено самоуправление в немецких селах. Многие колонисты, недовольные таким ущемлением прав, уехали в Южную Америку. Среди них был и Йохан Дистель с женой Элизабет и детьми – полуторагодовалым Йоханом и шестимесячным Францем. Моя мама никогда не рассказывала, как прощались с сестрой перед ее отъездом, но в своих молитвах всегда их упоминала, просила для них у Бога здоровья и благополучия. В Бразилии было много необжитых земель, и переселенцы – немцы с Поволжья – снова надеялись на лучшую жизнь впереди. Элизабет Дистель (Аппельганс) писала письма родителям два раза в году – к праздникам Рождества и Пасхи.

Портняжным делом семья Георга занималась только зимой, и шло оно неплохо. Часто родители беседовали, размышляли о том, кто же будет продолжать их ремесло. И приходили к выводу, что Эмилия – самая способная, самая искусная в этом деле. Еще будучи пяти-шестилетним ребенком, она, сидя под столом, из обрезков, упавших на пол, мастерила себе и младшим сестрам куклы и одежду для них. Часами шила их, играючи.

– Она способная! – восхищались мать и отец.

Колонисты к тому времени стали жить уже лучше, с ярмарок привозили не только простой ситец и сатин, но и сарпинку, кашемир для праздничных платьев и добротное сукно на теплую зимнюю верхнюю одежду для женщин, называемую в народе гейш. Для пошива такого одеяния нужно было учиться у портного-профессионала. И семья решила послать Эмилию к такому мастеру: на ярмарке Георг узнал, что в Саратове есть целая немецкая улица, где колонисты имеют свои мастерские и берут учеников. Георг отыскал подходящую мастерскую. Договорились, что за плату в три рубля серебром Эмилия будет жить в доме мастера, учиться крою и пошиву простой одежды.

– Пока беру на один год, посмотрим, насколько ловка твоя дочь, – заключил сделку портной.

Моя мама часто рассказывала и при этом подчеркивала, что плата вносилась не бумажными рублями, а серебряными, серебро было устойчивой валютой.

– Боже мой, дочку так далеко от дома на чужбину увезти! – причитала Элизабет.

– Мы же вместе с тобой решили, и жить она будет у наших земляков-немцев, – успокаивал жену Георг.

– И что ей там за еда достанется? – не унималась Элизабет.

– Мы ей с собой соленый окорок, картошку и муку дадим. На первое время хватит, а к Рождеству еще привезу, – продолжал успокаивать отец.

В марте 1912 года Эмилии исполнилось 19. А ранней осенью, после уборки урожая, Иозеп, сын Филиппа, послал сватов к Аппельгансам засватать Эмилию за своего старшего сына Якоба. Но Эмилия наотрез отказалась выходить замуж: она заявила о своем желании уйти в монастырь.

Георг и Элизабет размышляли: может быть, ей просто Якоб не нравится? В то время родители детей не спрашивали: любит-не любит. Но все же понимали: какая-то симпатия между молодыми должна же быть! А семья Филиппа очень большая, и идти в нее снохой – значит быть Золушкой. Конечно, у старшей снохи в семье со временем будет больше прав, чем у последующих. Она будет правой рукой хозяйки и будет командовать женами младших сыновей. С другой стороны, старшему сыну могут через три-четыре года выделить отдельное хозяйство. Тоже неплохая перспектива.

Так рассуждали родители Эмилии, взвешивая все «за» и «против». Но Эмилия снова и снова повторяла: она хочет в монастырь, посвятить свою жизнь Богу, ему одному служить.

– Это результат проповедей молодого священника! – заключили отец и мать.

Все дочери Элизабет охотно пели и в церковном хоре, и народные песни на посиделках, но только две из них – Амри (Анна-Мария) и Эмилия – унаследовали особенно красивые, ясные, чистые и звучные голоса. Они могли брать самые высокие ноты. Анна-Мария давно не жила в Ротгаммеле, но подросла Эмилия, и молодой священник теперь ей поручал исполнять партию ангела во время рождественских праздников.

– Голос певчий – это дар Божий, – говорил он, – его надо беречь для восхваления Бога.

Других певчих церковного хора эти поучения не очень впечатляли. У Христины, всего на год младше Эмилии, имелось другое мнение: к чему такие запреты? У нее был веселый нрав. Шутки, остроты так и сыпались из нее. Выйдя за порог церкви, она тут же запевала веселую «уличную» песенку. И вечером, во время дойки, пела в полный голос. Эмилия же вела себя тише, скромнее. Она берегла голос для песен в храме. А работая в поле и на огороде, часто внимательно рассматривала разные цветочки, травинки и удивлялась: как Бог создал такую красоту! Каждую былинку она находила красивой, достойной восхищения. Для крестьянской дочери она была необычной. Возможно, поэтому не видела радости в перспективе стать снохой, хотя бы и старшей.

Все уговоры сватов в тот знаменательный вечер оказались тщетны: Эмилия осталась непреклонной. А когда отец на следующее утро вышел на улицу, он остолбенел – ворота дома были измазаны дегтем. Сделал это обиженный Якоб, потому что Эмилия отказала, «дала ему корб» – «корзину» – как говорили тогда в немецких селах. Позор!

В то время измазанные дегтем ворота означали, что девушка не сохранила свою невинность. Не всегда это было так. Но оскорбленный отказом жених таким поступком пытался воздействовать на свою избранницу, добиваясь ее согласия все-таки выйти за него из боязни, что после такого бесчестья к ней никто больше не будет свататься.

Георг сразу же снял обе створки с петель, унес во двор под навес и убрал на улице все следы злого поступка отвергнутого жениха.

В то утро Эмилия стояла на коленях в переднем (святом) углу, молилась и со слезами заверяла мать, что она не заслужила такого оскорбления. Никто из парней их села ей не мил, никогда она ни на одного из них не заглядывалась, ни с кем не заводила дружбы. И все повторяла:

– Хочу в монастырь, в монастырь!

Она просила отца незамедлительно узнать, где есть католическая обитель. Но у ее родителей были другие планы: Эмилия должна серьезно учиться портняжному делу, возможно, она будет им, родителям, поддержкой в их старости – сыновей же у них нет.

Священник в это время надолго уехал в отпуск, путешествовал по Европе, спросить о монастыре было не у кого. Отец уговорил дочь эту зиму с 1912-го на 1913-й год пожить в Саратове, научиться крою одежды.

За неделю до Рождества Георг навестил Эмилию, привез домашние пироги, окорок и много приветов от матери и сестер. Портной не мог нахвалиться отцу, какая у него послушная, скромная, работающая и понятливая дочь. И руки у нее ловкие, и все с первого раза у нее получается.

Курс обучения был рассчитан на один год, за который мастер должен был научить снимать мерку, кроить и шить элементарную одежду. Но когда Георг весной приехал за дочерью, мастер сказал:

– Советую привезти ее осенью еще на год. Время не стоит на месте, мода меняется, усложняется, а у Эмилии большие способности к нашему делу, она может стать искусной мастерицей.

– Да, но три рубля серебром на улице не валяются, их нелегко добыть! – посетовал Георг.

– Подумайте хорошенько. Притом я готов ее взять подмастерьем, она может немного заработать.

Летом Эмилия, как всегда, трудилась с отцом в поле, на огороде, а осенью опять вернулась в Саратов. В городе она видела совсем другую жизнь, отличную от деревенской. В Саратове жили немцы, предки которых приехали в Россию тоже по приглашению Екатерины II. Они свято хранили свои обычаи, язык, немецкий порядок. В деревне колонисты тоже хранили обычаи и язык, веру и народные песни, но в городе все это было на более высоком уровне, серьезнее, красивее.

Иногда по воскресеньям к мастеру навещали гости, вели беседы, пели песни. Порой вместе с родителями приходил молодой человек, который охотно общался с Эмилией. Потом он признался ей в любви. Эмилия оторопела. Конечно, он был симпатичный, ей нравилось с ним разговаривать, но замуж за него?! Нет, нет и нет! Она же решила стать монахиней!

А молодой человек, оказывается, уже говорил со своей матерью об Эмилии. Та стала наводить справки: из какого рода Эмилия и с огорчением установила, что их семья состоит в родстве с семьей Аппельгансов.

– Нет! – отрезала мать сыну. – Женидьба на родственниках запрещена нашей верой.

Весна 1914 года. Времена были беспокойные. По всей России прокатились беспорядки и забастовки. К началу полевых работ, Георг приехал за дочерью. Девушка многому научилась: кроить и шить, моделировать новые фасоны, а еще делать искусственные цветы из тонкой цветной бумаги и шелка. Из города она привезла с собой большой чемодан, полный такой бумаги, и тончайшие проволочки для изготовления цветов (я помню этот чемодан и его содержимое!). Первым делом она изготовила большой красивый букет, положила его у алтаря в церкви и на коленях молитвой благодарил Бога за свой дар, за свои способности к рукоделию. Лето Эмилии прошло в поле, на огороде, в обычных крестьянских занятиях. Даже начало войны между Россией и Германией в 1914 году ничего не изменило в семье Аппельгансов.

Осенью в церковном хоре опять разучивали рождественские песни и опять Эмилии дали роль ангела, принесшего благую весть о рождении Спасителя. В благодарность и поощрение за прекрасное пение священник вручил каждому певцу небольшой сувенир, привезенный им из поездки по Европе. Эмилии он подарил маленькую книжечку-молитвенник. Я помню эту

книжечку: размером с ладонь, передняя обложка из желтоватой кости. Была ли то слоновая кость? В свои 10–11 лет я еще не имела представления об этом. На внутренней стороне – рукописный текст на немецком языке: «Путешествуя в дальней стороне, я помнил о тебе и привез тебе этот подарок». И подпись (для меня тогда неразборчивая). Был ли священник влюблен в Эмилию? Хотела ли Эмилия из-за него идти в монастырь? Я тогда об этом не думала, да и спросить никогда не посмела бы, даже позже, в морозные вечера нашей трудармейской жизни на Севере, когда мамины рассказы-воспоминания помогали нам выжить.

Вскоре служителя церкви перевели из Ротгаммеля в другой приход. Или он сам попросил перевода, избегая искушения, от греха подальше?

В один воскресный вечер после Рождества и Нового года, когда Эмилия шла домой с посиделок, ее догнал Николаус, младший брат Якоба, сватавшегося к ней два года назад. Николаус в потемках нашел ее руку и положил в нее несколько конфет:

– Мильхен, вот тебе конфетки, подсласти свои губки, может, скажешь мне сладкое словечко. Я хочу послать к тебе сватов, но прежде хочу знать, что не получу от тебя «корзину». Могу ли я надеяться? Ты ведь не опозоришь меня, как моего брата?

Николаус был, конечно, посимпатичнее Якоба, но...

– Нет, – сказала она парню. – Я ведь твердо решила: хочу в обитель. Это я Якобу сказала, это и тебе говорю.

2. Мариенфельд. Гольманы

По Манифесту Екатерины II каждой семье переселенцев было обещано 30 десятин⁴ земли. Селить их планировалось отдельными хозяйствами – хуторами. Предписывалось даже, как использовать землю: сколько под пахоту, сколько под луга, для лесопосадок и т. д. Но наши предки не хотели жить хуторами. Еще до переезда, во время вербовки, родственные семьи группировались вместе и в России тоже хотели оставаться рядом, тем более в незнакомой стороне. Директора и представители канцелярии опекунов согласились с этим: ведь в России крестьяне тоже селились не хуторами, а деревнями.

Каждой общине отмерили положенный ей участок земли, прибавив еще «на вырост» – на случай ее увеличения при создании молодых семей и рождении «новых душ». Но наступало время, когда резервная земля кончалась, и молодоженам уже не из чего было нарезать наделы.

Колонисты не имели права самостоятельно выходить из общины: искать себе землю в другом месте без разрешения канцелярии влекло за собой потерю привилегий переселенца. И в 1801 году они послали к царю делегатов с прошением выделить им земли для создания новых колоний в Поволжье. Указом от 4 сентября 1802 года царь удовлетворил их просьбу, так начали создаваться уже дочерние колонии.

Царь Николай I (1825–55) подтвердил предоставленные еще Екатериной II привилегии колонистов, однако с корректировкой: теперь переселенцы, наравне с коренным населением, должны были платить налоги. Но от службы в армии они все еще были освобождены, что позволяло сохранять в хозяйстве каждую пару рабочих рук. С малолетства приученные к труду, полноценными работниками парни были уже в 16 лет.

В 1828 году крестьянин из колонии Галка по фамилии Бруннер поселился на берегу речки Мокрая Ольховка, вспахал целину и посеял пшеницу. Несколько лет его хозяйство было здесь единственным хутором под названием Шпатценхутор (у Бруннера была кличка Шпатц – воробей). Потом сюда стали переселяться жители из колоний Фольмер, Каменка, Гуссарен, Пфайфер, Ляйтлинг, Гебель, Келер, Шук, Дегот. Теперь новоселы получали только по 14,5 десятин земли на семью. Они построили свою деревню на изгибе речки, впадающей в Иловлю, приток Дона. Здесь она была довольно глубокой и рыбной, а ближе к истоку мелела, местами ее можно было перейти вброд, и там обильно рос камыш.

– Камышом можно крыть крыши, – радовались новоселы.

В 1852 году контора управления колонистами в Саратове зарегистрировала этот поселок как Мариенфельд. В нем насчитывалось 105 семей, 55 хозяйств. Община имела 4339 десятин земли.

Когда именно семья Зейпеля (так одомашнивали распространенное имя Иозеп) переехала из села Фольмер в Мариенфельд, я установить не смогла. В документе Волгоградского областного архива (фонд № 299, дело № 375), любезно предоставленном мне мистером Тэдом Герк из Канады, в списке крестьян Мариенфельда десятой переписи населения 15 февраля 1858 года значатся несколько Гольманов. Одна семья – Петера Гольмана, другая – трех братьев Гольманов. Под номером 63 числится глава семьи Иозеп Гольман (21 год) и два его брата Михаэль (17) и Адриан (14). Какая же из этих двух семей – предки моего отца? Наши прадеды обычно называли первенца по имени отца или деда. Среди родственников моего папы не было мужчин по имени Петер, зато Иозеф, Михаэль и Адриан были в каждом поколении. Я знала

⁴ (1 десятина = 1, 093 гектара)

лично несколько двоюродных братьев отца с такими именами. Отсюда заключаю, что искомым лицом является кто-то из этих трех.

Из того же документа я узнала, что в предыдущей, девятой, переписи 1850-го года три брата Гольманы числились под номером 41 в селе Фольмер. Когда и при каких обстоятельствах они остались без родителей, выяснить не смогла. В те годы случались сильные засухи, голод и болезни.

Предок Иозепа Гольмана (сорокасемилетний Михаэль Гольман, крестьянин из Хайльбронна) приехал в Россию в 1766 году вместе с тридцатилетней женой Катариной и полуторагодовалым сынишкой Йоханнесом. Вместе с другими он основал в Поволжье колонию Фольмер. От канцелярии по делам переселенцев в Саратове он получил 150 рублей на покупку лошади, коровы, семян для посева и на питание. Упорный труд помог встать на ноги.

Обычно крестьяне переселялись на новые наделы ранней весной. Строили себе землянки и шалаши рядом с пашней. А после пахоты и сева начинали делать из глины саманные кирпичи для домов. Нужны были и помещения для скота. Но не всегда успевали возвести жилье до осени, тогда зимовали в землянках.

Мужчины плели из веток плетни, женщины резали на речке камыш и привозили его к месту стройки на запряженных волами повозках. Затем доставлялось несколько возов глины, и женщины, добавляя воду, солому и навоз, месили ее ногами. Из полученной смеси мужчины и делали кирпичи.

Когда из плетней были собраны стены хлева, их утепляли вязанками камыша, а потом женщины обмазывали их толстым слоем глины. Много дней приходилось им месить ногами массу, чтобы ее хватило и на кирпичи, и для обмазки стен. Такой процесс я видела в селе Мариенфельд еще в 1929–30 годах.

Люди старались, чтобы в жаркие летние дни успели высохнуть и кирпичи, и обмазанные стены строений. А надо было еще сено косить, картошку окучивать, поля с кукурузой и подсолнечником рыхлить. Женщины выполняли «легкую» работу: ворошили сено, сгребали его в копны, которые мужчины затем вилами укладывали в стога. И при всем этом женщины ухаживали за скотом, доили коров, готовили еду и не забывали переворачивать выложенные для сушки кирпичи. Одна работа подгоняла другую, и часто просто некогда было заниматься маленькими детьми. Это становилось обязанностью шести-семилетних дочерей. Матери же обедали, приложив младенца к груди, или одну ложку ребенку, другую – себе. Экономили секунды, чтобы управиться до наступления зимы.

В центре села жители оставили площадь для постройки кирхи: община будет расти, значит, церковь нужна большая, рассуждали они.

В округе было много дикого камня, из которого выложили фундамент для большого деревянного храма. Рядом возвели колокольню и установили массивный крест.

Три года строилась церковь, и по завершении в 1856 году ее освятили, назвав именем Святой Марии. В моей памяти запечатлелась картина: площадь посреди села, фундамент из полевых камней, перед ним – огромный деревянный крест, поодаль – колокольня. Это все, что я могла видеть в 1927–30 годах. Сам же храм сгорел во время Гражданской войны.

Село росло, в 1862 году здесь было уже 71 хозяйство. Три длинные улицы тянулись от берега речки вверх по склону. Многие мечтали жить в большом деревянном доме, но это чаще всего так и оставалось мечтой. Было полно забот в поле, каждый год распахивали дополнительную целину, увеличивая пашню. Почти без выходных, с рассвета до заката, – работа, работа, работа. Даже в религиозные праздники утром ходили в церковь, а потом, пообедав, ехали на поле пахать или сеять, косить или убирать урожай. Женщинам приходилось тоже включаться в полевую страду, а также месить глину, чтобы подновлять стены построек, выполнять всю работу по дому: доить коров, кормить свиней, кур, варить, стирать, – а еще рожать детей. Много детей...

Мариенфельд находился в 25 верстах от города Камышина, что возник в 1668 году на берегу Волги как казачья крепость Дмитриевск, позже переименованная по указу Екатерины II. Вскоре он превратился в заметный торговый центр на Волге. Со временем и немцы стали открывать в городе мастерские по пошиву одежды и обуви, пекарни, магазины, построили мельницы и большие хранилища для зерна. Колонисты из близлежащих сел привозили на местные базары свой урожай: пшеницу, картофель, подсолнечное масло, мясо. В городе жил уездный врач, тоже из колонистов. Но самим колонистам некогда было ехать к доктору, и у них были свои домашние средства – гусиный жир и гусиный помет, которыми они лечили простуду и другие недуги. То, что гусиный помет применялся как лечебное средство, я узнала недавно из телепередачи и сразу вспомнила, как моя бабушка Сузанна, даже ничего не прикладывая, просто рукой гладила мои царапины и приговаривала:

– Лечи, лечи, гусиный помет, к утру все-все, все-все пройдет. (Хайле, хайле, гензедрек, бис морген фрю ист аллее вег).

Но случались и несчастья, и серьезные заболевания, тогда все же приходилось ехать в город к врачу.

Однако возвратимся назад, в Мариенфельд.

Зимой у крестьян поменьше работы: только уход за скотом, ремонт сбруи, телег и другого инвентаря. У Штефана Мёллера был большой деревянный дом, он умел немного говорить по-русски, поэтому его уже несколько раз подряд выбирали старостой общины. Иногда зимними вечерами у него собирались односельчане – поговорить о делах, посоветоваться, узнать новости.

Стройному, сильному, с умелыми руками Зейпелю Гольману было 23 года. В церкви на богослужении не одна девушка тайком поглядывала в его сторону. Однако Зейпель уже знал, кто ему нужен. Катарине Лель, старшей дочери Каспара Леля, недавно исполнилось 18. Парень не раз видел ее прилежно работающей в поле и на огороде. К тому же со своими пышными темными волосами и выразительными глазами она была самой красивой девушкой в селе. И вскоре Йозеп Гольман и Катарина Лель отпраздновали свадьбу.

Женатого, работающего и потому всеми уважаемого Йозепа называли в селе Хаас-Зейпель. Это прозвище он получил еще семь лет назад: бойкий и ловкий, он в свои 16 выглядел взрослым, но был еще полон мальчишеского задора, любил подшутить над сверстниками. Поздней осенью и в зимние вечера темнело рано, однако зажигать лампу в доме не спешили: керосин дорогой. Комната освещалась огнем очага, на котором готовили ужин. Йозепа, как и его сверстников, после сделанной ежедневной работы на подворье не тянуло в дом, в тесноту и полутьму. А первый снег поднимал настроение: парни резвились на бодрящем морозе, мерялись силой, играли в снежки.

– Смотрите, заяц! – крикнул вдруг кто-то. Заяц пустился наутек, а Зейпель за ним:

– Я тебя поймаю!

Зайца он не поймал, но зато получил кличку Хаас-Зейпель – Зеппель-Заяц. Потом и всех его потомков называли Хаас-Зеппельс. (Буква «с» в конце означает множественное число – Хаас-Зеппели).

Десять лет семья Зейпелей жила в Мариенфельде. У них были хорошие урожаи. Правда, трижды – в 1853, 1855 и 1860 – после посева не было ни капли дождя, и тогда осенью собирали зерна не больше, чем высеяли. Но потом опять следовали урожайные годы.

В 1861 у Зейпеля родился первенец, назвали его Йоханнесом. А в 1864 появилась дочь Сузанна, моя будущая бабушка. За ней последовали дочь Барбара и сын Йозеп. Теперь у Зейпеля была большая семья и «три души» земли. Но снова три года подряд, 1864–1866, – неуро-

жаи, голод, бескормица. Умирили старики и дети, скоту скармливали всю солому с крыш, продавать на базаре нечего, а платить налоги надо...

19 июля 1863 года, к 100-летней годовщине прибытия первых немцев-переселенцев в Поволжье, 16 представителей немецких колоний писали царевичу Николаю Александровичу, находившемуся в это время с визитом в Саратове: «Сегодня исполнилось 100 лет, как наши предки впервые ступили на землю России... Под покровительством Твоего Царского Дома мы сохранили веру наших отцов, язык, обычаи...».

А в июне 1871 вышел указ царя Александра II о лишении немцев статуса колонистов и ликвидации ранее дарованных им привилегий. Отменили и их самоуправление. До этого немецкие переселенцы не были гражданами России, теперь они стали ее подданными и были подчинены управлениям местных уездов. В судах, в других государственных учреждениях им предписывалось отныне говорить только по-русски, делопроизводство в немецких колониях тоже перевели на русский язык. Так колонисты враз были поставлены практически в бесправное положение; вдобавок, не зная русского, они не могли даже защищать себя. Это был тяжелый удар.

А в 1874 году для них ввели еще и... воинскую повинность. Люди заволновались:

– Несправедливо! Царица Екатерина обещала нам самоуправление и освобождение от воинской повинности! Назад, в Германию, пока не поздно!

Многие задумались. Ведь целых четыре поколения трудились, чтобы освоить, окультурить пустые степи, работали с утра до ночи, не жалея ни себя, ни членов семьи. Перебрались, наконец, из глинобитных хижин в деревянные дома. И все это теперь оставить и уехать?! И снова начинать с нуля?

С другой стороны, тут – всё новые засухи, неурожай, голод, а теперь еще и отняли обещанные права. И воинская повинность...

Полные отчаяния, некоторые решились и в 1873–76 годах уехали через Германию в Бразилию. Там они выбрали для поселения просторы Панта Гросса, Пал Мейра, Лаппа. Свои поселения строили по образцу немецких колоний на Волге. В 1889 году в них насчитывалось уже около шести тысяч немцев из Поволжья.

Но надежды не оправдались: почва оказалась еще беднее, чем на Волге, и для хлебопашества малопригодна. Многие двинулись дальше – в Аргентину, США, Канаду. Кто-то мечтал вернуться в Поволжье. А те, кто остались в Бразилии, переключились на выращивание кукурузы и фасоли, на свиноводство и овцеводство.

В конце 1870-х поднялась волна переезда немцев Поволжья, на этот раз в Северную Америку – в штаты Дакота, Небраска, Орегон, Канзас, Вашингтон...

В октябре 2004 года в Касселе (Германия) проводились Дни культуры поволжских немцев. На торжества прибыла и группа гостей из Аргентины. Там я познакомилась с Сильвестр-Мартином Предигером, чей дедушка в 1912 году выехал в Южную Америку из деревни Мариенфельд. Мы беседовали с ним на нашем родном мариенфельдском диалекте!

Но вернемся в 1877 год, в семью Хаас-Зейпеля. У него было три сына: Йоханнес, Йозеп-младший, Каспер. И две дочери: Сузанна и Барбара. В 1878 году родилась Катарина. Восемь душ насчитывала семья, и только «четырьмя душами» земли владела она. В 1878-м урожай был уже получше, но все же ниже среднего, и на продажу зерна не оставалось – всё шло на пропитание семьи. Но ведь нужно было еще уплатить налоги! Да и купить кое-что надо: жеребенок-двухлетка подрос, хомут нужен; еще один плуг, чтобы третьей упряжкой работать в поле. И сапоги – самому и старшему сыну. Ботинки жене. Нужен ситец, чтобы каждому по рубашке или платью, – старые-то совсем износились. Да и Сузанна подрастает, о приданом надо позаботиться.

Зейпель ломал себе голову: что же свезти на базар? Несколько мешков картошки, капусты, гусей, пару ведерных кувшинов подсолнечного масла. Когда наступят морозы – зарезать свинью, продать мясо. Мысли не давали заснуть...

В Камышине Зейпель, продав свой товар, отыскал сапожника Остертага. Братья Остертаги были известные мастера: один сапожных, другой – швейных дел. Что сработано Остертагами, то высшего качества. Их сапоги не пропускали воду, носились долго.

Пока мастер принимал заказ, мужчины разговорились, и Зейпель узнал, что старая повариха, служившая у католического священника, ищет себе в помощницы порядочную девушку из немецкой семьи. Повариха научит ее готовить, чтобы та через год-два могла заменить ее. И Иозеп Гольман решил: это как раз то, что нужно для Сузанны. И на приданое себе заработает. А дома матери помочь и нянчить младших может и Барбара – ей уже 11...

– Привезите свою дочь в следующий базарный день, – с радостью приняла предложение Зейпеля повариха.

Домой Зейпель приехал поздно, уже смеркалось. Восемилетний Иозеп-младший поспешил отцу навстречу:

– Ну как, баббе⁵, хорошо торговали?

Пока он распрягал лошадей и задавал им корм, подбежал и четырехлетний Каспер:

– Что вы мне привезли, баббе?

– Да кое-что привез, мой мальчик, – засмеялся отец. – Ехал вот по степи, а там заяц мне дорогу перебежал, я его догнал, и он мне отдал свой хлеб.

Сузанна в это время снимала с телеги поклажу, несла в дом и в кладовку, а Барбара помогала маленькому Касперу развязать хлебную котомку. (У каждого хозяина была такая котомка. Уезжая куда-нибудь – далеко ли, близко – брал он ее с собой с запасом еды, хлебом, салом. Говорили: «Когда уезжать – знаешь, когда вернешься – неизвестно»). Каспер, обрадованный, двумя ручонками ухватил гостинец – хлеб, по краям подмороженный и потому белый, словно в сахар обмакнули. Глазенки мальчика блестели от радости – ведь этот «заячий» хлеб был куда вкуснее, чем тот, который мать давала за столом к обеду!

(Я читала, что у русских привезенный с дороги хлеб называют Лисичкиным, у нас же он называется заячьим).

После ужина отец рассказал про свои дела в городе. Сообщил и про разговор с поварихой: кушанье для господ готовят не так, как крестьяне, этому надо учиться, и как подавать на стол – тоже. Повариха научит Сузанну всему.

– Ты можешь заработать себе и на приданое, – сказал отец Сузанне.

«О, Господи! Отдать ребенка в город! Да я и навещать ее не смогу!» – вздохнула мать, но возразить не посмела: муж – хозяин и знает, что делать.

Камышин был не так уж далеко, но Катарина туда даже на большие ярмарки не ездила: домашние хлопоты, хозяйство, маленькие дети. К тому же она была бы лишним грузом на подводе, лошадям и так тяжело тянуть воз с товаром. Да и по-русски говорить не умела, помочь мужу не могла. Уж пусть Зейпель берет лучше сына Йоханнеса с собой, чтобы тот научился и торговать, и по-русски говорить. А еще Зейпель ей рассказывал, что на базаре оченьлюдно, шумно, и собирается народу больше, чем бывает у них в деревне на похоронах. Больше даже, чем на трех похоронах... Катарина и представить себе не могла, сколько там народу и какой стоит, наверное, страшный шум. А теперь ее дочь должна туда ехать...

– Боже, сжался над нами! – вздыхала Катарина. – Девочке только 14 лет!

Но Зейпель прав: Сузанна заработает там денег, сможет купить себе хорошее приданое, а значит, у нее будут и хорошие женихи из зажиточных семей. Может, даже сын форштегера

⁵ Баббе – гессенский диалект – отец, папа.

Мёллера. Они богатые, у них большой деревянный дом и полно скота. Тогда у Сузанны будет жизнь получше, чем у нее, Катарины, не придется всю жизнь экономить каждую копейку...

А Сузанну даже и не спросили, хочет ли она пойти на эту работу.

В следующее воскресенье Зейпель поехал в Камышин. Земля уже замерзла, но снега еще нет и на санях ехать нельзя. На этот раз он вез на продажу кувшин ароматного подсолнечного масла, несколько гусей, мешки пшена, кукурузы, картошки и муки. Впереди на возу, на сене, завернув ноги в одеяло, сидела Сузанна. На ней были ее лучшая, из овечьей шерсти, юбка, из-под которой при ходьбе виднелись связанные из разноцветной пряжи чулки в полоску, овчинный полушубок, а на голове платок из козьего пуха.

– Но-о-о! – подгонял Зейпель своих лошадей, будто боялся, что выгодную для его дочери работу перехватит кто-то другой.

Они рано приехали на базарную площадь, смогли занять хорошее место, быстро распродали товар. Потом оставили воз на постоялом дворе и отправились к дому священника.

Большой деревянный дом глядел на улицу четырьмя высокими окнами. Крытое парадное крыльцо, широкие ворота и калитка выкрашены темно-красной краской. Рядом с воротами – маленький домик в два окна на кирпичном чисто побеленном фундаменте. В нем жила повариха.

– Если за эту проволоку подергать, в домике зазвенит колокольчик. Повариха выйдет, отопрет калитку. У господ в городе двери и ворота всегда заперты, – объяснил Зейпель дочери.

– Кто там? – услышали они женский голос.

Зейпель ответил, и их пустили.

Узкий двор между двумя домами был вымощен камнями, чисто подметен. Кухарка повела их к себе, велела снять полушубки, угостила чаем с пирогом и стала рассказывать:

– Рано утром кофе и пирог должны стоять на столе, потому что патер идет к заутрене. Зимой мы ходим на базар только по субботам, а летом каждый день, чтобы покупать свежие овощи. Различать, какое мясо для какого блюда требуется, я ее научу.

Сузанна молча удивлялась: мясо есть мясо, разве для щей другое нужно, чем для супа с лапшой?

– Потом нужно готовить обед, – продолжала повариха, – суп и второе блюдо, а также десерт. На полдник свежееиспеченные булочки или пирог. На ужин опять что-нибудь другое. Вот, в общем, наша работа... Картошку она умеет чистить? А рыбу? Ну, ничего, я ее научу. У нас в городе кожуру с картошки срезают тонко: мы ведь картошку покупаем. В деревне и толстые очистки сгодятся, все равно скоту на корм идут... Но главное, чтобы девушка была честной и послушной. И чтобы без разрешения со двора ни шагу! Во-первых, она может заблудиться. А потом, всякое случается в городе... Ты согласна у нас работать? – обратилась она наконец к самой девушке.

– Я попробую, – ответила Сузанна тихо.

– Тогда сидите, я пойду, позову мадам экономку.

Вскоре она вернулась с пожилой стройной дамой, которая задала Йозефу несколько вопросов, потом повернулась к девушке:

– Встань, я на тебя посмотрю... Надеюсь, ты будешь прилежной и всему научишься быстро. Ты согласна на эту работу?

– Да, – сказала Сузанна уже более уверенно, ибо мадам, которая еще и улыбнулась при этом, ей понравилась.

– Хорошо, в следующий базарный день привезите ее с вещами, – сказала экономка Зейпелю.

Когда же в назначенный день Сузанна переступила порог знакомого дома, мадам встретила ее с узелком в руках:

– Примерь вот эту одежду, – протянула она девушке юбку на подкладке и блузку из цветастой ткани, какие в то время в городе носила прислуга. Лицо девушки просияло: такой наряд не мог ей даже присниться!

– Это тебе для начала. Если будешь хорошо трудиться, будешь честной и послушной, ты часто станешь получать от меня подарки..

Не раз моя бабушка Сузанна Гольман рассказывала эту историю, когда зимой 1930–31 гг. я жила у нее в том маленьком домике на высоком фундаменте, с двумя окнами на улицу. Я тогда ходила в школу национальных меньшинств – немецкую школу. Вернувшись после занятий, я тянула за проволоку, в комнате звонил колокольчик. Моя бабушка шла к калитке, сдвигала большой засов, впускала меня во двор и тут же снова его задвигала. Много рассказывала мне тогда бабушка. И историю своих родителей, и как было основано село Мариенфельд, как трудно было в первые годы, сколько приходилось работать, чтобы выжить и встать на ноги. Рассказала и почему ее отец получил кличку Хаас-Зейпель. Слившись со временем в одно слово Хазэппельс, прозвище потеряло свое изначальное значение и стало произноситься теперь с ударением на «эппель», что на диалекте означает «яблоко»...

Нелегко было Сузанне первое время в городе. Совсем другая жизнь, другие порядки. Она скучала по матери, по сестрам, подругам, но работы у нее было столько, что времени долго грустить не оставалось. Иногда во сне она видела родительский дом, или речку за селом, где она не очень глубокая и где женщины полоскали белье, а девушки иногда купались. Время от времени навещался отец. Обычно после базара он заезжал с подводой во двор, привозил раннюю картошку, мясо, душистое свежесжатое подсолнечное масло. Мадам разрешала открыть ворота, только потом надо было чисто подмести двор и улицу.

Деньги, заработанные Сузанной, патер отдавал Йозепу, сама Сузанна никогда их не видела. Но она радовалась, что помогает семье. Она была сыта, одета, обута. Конечно, ей очень хотелось иногда навестить родительский дом, свидеться с родственниками, но мадам экономка была строга, и за пять лет службы Сузанна всего три раза (по одному дню на каждое посещение) побывала дома. Только когда родилась сестренка Луиза в 1883 году, ей разрешили поехать на несколько дней. Каждый раз она привозила родителям маленькие подарки, которые вручала ей экономка за хорошую службу, а для сестер и братьев мадам передавала сладости, каких дети в деревне не видывали: крестьяне денег на такое баловство не тратили...

Семья Гольманов была большая, дети подрастали, тесно стало в доме. Нужно было бы отделить старшего сына Йоханнеса, вот только денег собрать надо... Сузанна все понимала без слов.

1888 год. Уже десять лет служила Сузанна в доме священника. Старой поварихи давно нет. И экономка состарилась. Она убедилась, что добросовестная Сузанна с работой справляется, и доверяла ей самой решать многие вопросы и по составлению меню, и по закупкам продуктов. Лишь иногда, если патер изъявлял особое желание по поводу какого-либо блюда, она передавала это поварихе.

Уже давно Сузанна заработала столько денег, что могла бы купить себе приданое. Уже давно ее одногодки – двоюродные сестры и бывшие подруги – повыходили замуж. И ее сестра Барбара замужем, а она, Сузанна, старше Барбары, осталась незамужней. Ей было уже 24, но отец все еще нуждался в ее деньгах.

...1891–92 годы выдались опять неурожайными. Опять голод, отчаяние, смерть сотен людей. Церковь организовала голодающим Поволжья помощь из Америки...

В 1897 году засватали сестру Сузанны, Катарину. Рослый, сильный, веселый Адам Предигер был кузнец и гармонист, мастер на все руки. Он имел небольшой глинобитный домик

рядом с его кузницей на берегу речки. Адам заверял невесту, что скоро они будут жить в доме «большем, чем моя кузница». Мастер он отменный, золотые руки. Все кузнечные работы в сельском хозяйстве: подковы, лопаты, тяпки, рессоры к бричкам и прочее – были ему по силам. Его замки с секретом не каждый мог открыть. А какие внутренние замки к сундукам с мелодичным звоном он мастерил! С заказами приезжали даже из соседних сел!

Сузанне разрешили побывать на свадьбе сестры. К этому времени была построена железная дорога, и поездом из Камышина до станции Авилово она доехала всего за 10 минут, а от станции до села каких-то три версты, пешком идти меньше часа.

На этот раз Сузанна взяла с собой в город младшую сестру. Луиза и раньше, с разрешения госпожи, гостила у нее по нескольку дней, помогала и одновременно многому училась у старшей сестры. Экономка всегда платила девочке за работу, родителей тоже устраивал ее приработок. И в эту осень 1897 года они охотно отпустили младшую дочь в город.

За неделю до Рождества внезапно умерла мадам экономка. Она пришла в маленький домик, хотела обсудить список закупок для праздничных блюд, и вдруг покачнулась. Сузанна успела подхватить ее и медленно опустила на пол. Луиза побежала за патером, потом за доктором, который жил всего на два дома дальше. Врач установил кровоизлияние в мозг. Экономка была без сознания, все попытки помочь ей оказались тщетными, и через несколько часов она умерла.

Теперь Сузанне самой приходилось принимать решения. По каждому вопросу бегать к хозяину неудобно: это отрывало его от дел, от книг. Хотя и прожила Сузанна в этом доме уже 20 лет, но с патером разговаривала редко. К нему она питала глубокое благоговение, ведь он – представитель Бога на земле.

Сузанна теперь была и экономкой, и кухаркой, и уборщицей в одном лице. Патер никого больше нанимать не стал, но разрешил ей оставить в помощницах четырнадцатилетнюю Луизу. По его распоряжению бывшую кухню в маленьком домике переоборудовали в жилую комнату, пристроили новую кухню и прихожую.

Уже давно 34-летняя Сузанна отказалась от мечты создать собственную семью. Возможность выйти замуж в Мариенфельде теперь исключалась вообще: городскую девушку, для которой крестьянская работа стала непривычной, вряд ли кто станет сватать. Отцы взрослых наследников рассуждали: сыну с такой женой, отвыкшей от вил, лопат, навоза, будет много хлопот. Ни сено метать, ни снопы вязать уже не может. И часами глину или овечий навоз месить не захочет.

В Камышине тоже много немцев. Но девушке нечасто выпадала возможность сходить к кому-нибудь в гости. Со двора отлучалась обычно по заданию экономки с наказом сразу же вернуться.

20 лет службы под началом строгой мадам отразились на характере Сузанны: беспрекословное послушание и порядок во всем! Сузанна теперь строго относилась не только к себе, но и к младшей сестре, и к близким. Распорядок дня соблюдала по часам, кушать – только в установленные время, от меню – никаких отступлений. И все вещи имели свое место.

Родственники в селе не могли ее понять. Хотя колонисты вели свои хозяйства аккуратно, такая педантичность казалось им чрезмерной. Между собой ее называли странной и осуждали. Может, в этом тоже была причина, что у нее до сих пор не было жениха. Ведь тогда невеста в 20 лет считалась уже засидевшейся, и женихи (а больше – отцы женихов) задумывались: а почему это ее не сосватали раньше?

Но, возможно, у моей бабушки был жених в городе? Мне досталась от нее в наследство чайная ложечка из серебра, на ручке которой выгравированы две русские буквы – «СХ». Девочкой я как-то спросила, что эти буквы означают. В то время, в мои восемь лет, я еще не знала русского алфавита. Бабушка ответила:

– Был мастер золотых дел, который изготовил эту ложечку и выгравировал эти буквы: «С» – Сузанна, «Х» – Хольман. Он не знал, что моя фамилия на русском пишется с «Г» – Гольман...

Теперь я могу только предполагать, что этот человек своим подарком, наверное, надеялся расположить к себе Сузанну, и, видимо, он был русским. Почему же не состоялся брак? Неужели из-за запрета на браки с инаковерующими? Как-то я слышала разговор бабушки с одной из ее племянниц, которая во время учебы жила в Камышине. Бабушка вспоминала, как однажды молодой человек пригласил ее погулять: он видел ее в церкви, и знакомые ему много о ней рассказывали. Сузанна пошла спросить разрешения отлучиться со двора. Разрешили, но распорядились:

– И возьми Луизу с собой!

На один час и не наедине с молодым человеком!

Все это не могло не отразиться на характере Сузанны. Я не помню бабушку смеющейся. Какой же тяжелой должна была быть ее жизнь, что она никогда не смеялась! Да, она была всегда готова помочь, была добра, но и строга чрезмерно. Строгость граничила с жестокостью. Отец вспоминал, что лет в шесть мать дала ему двухкопеечную монету и разрешила пойти купить конфетку. Со двора уходить одному не разрешалось, только с матерью. И сладостями не баловали, поэтому – исключительное событие! Страшновато было идти по улице. По пути встретил соседского мальчишку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.